

Мифы и мотивы московского текста в русской лингвокультуре XXI века

Myths and motifs of the Moscow text in the Russian linguoculture of the XXI century

Белова П.Е.

Магистрант ОП «Политическая лингвистика», Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород

e-mail: belova-polina@mail.ru

Belova P.E.

Master's Student of the National Research University, Higher School of Economics-Nizhny Novgorod

e-mail: belova-polina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию московского текста и особенностям его мифотектоники на материале литературных произведений и бытовых текстов XXI в. о Москве, содержащих лингвокультурные представления о российской столице. В статье называются мифы и мотивы, содержащиеся в московском тексте русской литературы XVIII-XIX вв., указываются компоненты, привнесённые в него литературой XX в. (Москва – град Божий, новый Иерусалим, новый Вавилон), и представляются мифы и мотивы новейшего московского текста. В XXI в. отмечается сохранение традиций в изображении Москвы как сердца России, третьего Рима и города-матери, но происходит отказ от некоторых мифологем, возникают новые мифы и мотивы: Москва предстаёт другим городом, городом-магнитом, пространством карьеры, успеха и финансового благополучия.

Ключевые слова: городской текст, московский текст, мифологема, мотив, сверттекст, лингвокультурология, русская литература.

Abstract

The article is devoted to the study of the Moscow text and the peculiarities of its mythotectonics on the material of literary works and everyday texts of the XXIst century about Moscow, containing linguistic and cultural ideas about the Russian capital. The article names the myths and motifs contained in the Moscow text of Russian literature of the XVIII-XIXth centuries, specifies the components introduced into it in the literature of the XXth century (Moscow – the City of God, new Jerusalem, new Babylon), and presents the myths and motifs of the latest Moscow text. In the XXIst century, the preservation of traditions in the image of Moscow as the heart of Russia, the third Rome and the mother city is noted, but there is a rejection of some myths and the emergence of new myths and motifs: Moscow appears as a different city, a magnet city, a space for career, success and financial well-being.

Keywords: urban text, Moscow text, mythologeme, motif, super-text, linguoculturology, Russian literature.

В русле современной антропоцентрической парадигмы в лингвистике всё большее внимание уделяется изучению локальных или городских текстов и сверттекстов, а также исследованию глубинных основ их существования. Город как социально-культурное образование рассматривается, «с одной стороны, как текст, а с другой, как механизм порождения текстов» [1: 65]. Само понятие «городской текст» было введено в научный оборот В.Н. Топоровым в 1973 г.

В исследовании городских текстов важное место занимают тексты, организующиеся вокруг образа большого, имеющего богатую историю города. В их число, бесспорно, входит и московский текст, который включает в себя изображение столицы в литературных, публицистических и других произведениях. Изучение московского текста русской лингвокультуры способствует осознанию современным человеком индивидуальности нации, к которой он принадлежит, и неисчерпаемого богатства её культуры.

Целью данной статьи стало выявление особенностей мифотектоники московского текста на материале литературных и бытовых текстов XXI в. о Москве. Анализировались 45 прозаических текстов современных авторов, вошедших в сборник «Москва: место встречи», 87 стихотворений, написанных в XXI в., и 915 бытовых текстов жителей и гостей столицы различных жанров, размещённых за последние десять лет в сети Интернет (отзывы, сообщения, комментарии, посты).

Существование московского текста, в отличие от петербургского, долгое время не признавалось. Аргументы противников основывались на том, что создаваемые художественные тексты о Москве «не обладали внутренней цельностью». Кроме того, у Москвы отсутствовала «та фундаментальная текстопорождающая основа, каковую образует креативный либо эсхатологический миф» [2: 24]. И только во втором десятилетии XXI в. московский текст оформился как ментальная сущность со своей системой знаков и мифопоэтикой. Но прежде чем говорить о московском тексте XXI в., проследим процесс его становления.

В русской литературе XVIII и даже XIX столетия тексты о Москве только начали появляться и не осознавались как идейное и художественное единство. Первыми здесь стали произведения Н. Карамзина. Ф. Глинки, А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова и др. У названных авторов выражена мысль о том, что Москва не просто город, а целый мир, олицетворение всей России. Город находится под небесным покровительством, всё в нём устроено гармонично и в то же время разнообразно. В Москве смешаны древнее зодчество и новая архитектура, восточные и европейские обычаи, богатство и бедность, величие и суета, т.е. столица – город контрастов, где всё движется, вертится, живёт.

Мифопоэтическую основу московского текста составляют такие мифологемы, как «Москва – город-государство», «сакральный город на семи холмах», «Москва – жертва огненной стихии 1812 года» и «Москва – воплощение женского начала, мать городов русских». У Н. Гоголя, например, столица предстаёт хлебосольной хозяйкой, которая принимает всех гостей, в том числе инакомыслящих людей. Мифологема «Москва-матушка» была актуальна до конца XIX в. в творчестве С. Аксакова, А. Герцена, А. Островского, Л. Толстого и А. Чехова, однако в романе Льва Толстого «Война и мир» наряду с ней появились мифологемы «Москва – хранительница национальных традиций русского народа», «обитель православия» и «воплощение соборности».

В лирике Серебряного века (А. Блок, М. Цветаева, С. Есенин, О. Мандельштам) развиваются мифологемы о Москве – городе-женщине со своей статью и характером, хранительнице национальных традиций и обители православия. Вместе с ними возникают мифологемы о Москве – общем доме и сердце России. Столица вбирает в себя всю страну, символизирует полноту и богатство жизни людей.

В прозе первой половины XX в. присутствуют мифологемы: Москва – «город-храм», «матушка Москва», несущая культ дома и покровительствующая другим городам и людям, живущим в ней или приезжающим в неё, и появляется эсхатологический миф (гибель старой Москвы в эпоху революционных преобразований). В московском тексте первой половины XX в. прослеживается антитеза Москвы православной и Москвы светской, антихристианской. Образ Москвы – обители русского православия, воплощения соборности, хранилища национальных традиций встречается в русской эмигрантской прозе первой волны (у Б. Зайцева, М. Осоргина, И. Шмелёва), образ Москвы – индустриального центра, гигантской стройки, оплота мирового социализма сложился в советской прозе (у А. Платонова и Л. Леонова).

Отдельно в московском тексте XX в. стоят произведения А. Белого, М. Булгакова и Б. Пастернака. А. Белый не идеализировал Москву уходящую и не утверждал Москву советскую, а создал образ Москвы-старухи. В романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» формируется индивидуально-авторский миф о советской столице, наказанной очистительным огнём за грехи её жителей. В романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» Москва предстаёт в традиционном образе города-женщины и новом образе города-леса.

Московский текст как локальный текст русской литературы оформился к середине XX в., и у него образовалось своё знаково-символьное поле. В основу произведений о столице легли почти все появившиеся ранее мифологемы: «Москва-матушка», «Москва – третий Рим», «Москва – обитель православия», «Москва – хранительница национальных традиций», «Москва – новый Вавилон» и др.

Обобщая изображение столицы в литературе XX в., отметим, что этот город, вобравший в себя и азиатскую, и европейскую культуру, всё так же остаётся оплотом православия, религиозным центром страны. Но это уже непригодное для спокойной жизни место. В нём появился криминал, люди разделились на бесправных и всемогущих. Отныне Москва ассоциируется с властью. Столица начинает терять семантику патриархальности и семейственности, на смену которым приходит карьеризм, нажива, разобщённость и одиночество людей.

Новейшая русская литература обозначает новые направления в формировании московского текста, а её изучением активно занимаются М.В. Селеменова, О.С. Шурупова, Е.А. Попова, А.П. Люсий и др. Тем не менее в целом московский текст XXI в. исследован недостаточно, особенно это касается поэтических и бытовых текстов о столице.

В московском тексте XXI в. активно развиваются традиционные мифологические образы. У А. Аствацатурова и Ю. Полякова это «Москва – город-женщина». Кроме того, во всех «московских» произведениях Юрия Полякова живёт вера в то, что столицу империи невозможно погубить, это вечный город (мифологема «Москва – третий Рим»).

Отталкивающий образ Москвы создан в романе Д. Рубиной «Синдикат». Столица представлена через доминантные точки, появившиеся в конце XX в.: памятник Петру Первому скульптора З. Церетели, элитные ночные клубы и многоэтажные блочные дома. Это уже не привычная Москва, а «притягательный город-монстр».

В прозе Е. Гришковца Москва предстаёт огромным мегаполисом, который в поединке с природой всегда побеждает. Традиционную мифологему «Москва – город-женщина» Гришковец трактует оригинально и даже провокационно: в столице он не находит оберегающего материнского начала, она либо равнодушна, либо враждебна, жестока к тем, кто пытается её покорить, найти в ней своё место.

В прозе О. Славниковой, Р. Сенчина и С. Шаргунова Москва изображается как «имперская обманка» [3: 193], обещающая быстрый успех, финансовое благополучие и счастье в личной жизни, а в итоге навязывающая герою рутинную работу в офисе, одиночество, усталость от погони за успехом и существование, доведённое до автоматизма. Мифологема «Москва – город-дом» трансформируется в мифологему «Москва – город карьеры».

Таким образом, в московской прозе XXI в. складываются новые мифологемы: «Москва – город-монстр», а также «пространство карьеры, успеха и финансового благополучия» (Е. Гришковец, А. Иличевский, Р. Сенчин).

В московском тексте XXI в. городская среда воспринимается авторами не как знакомое и родное место жительства, а как преобразованная в угоду нынешнему времени искусственно созданная действительность, безжалостно отбирающая у человека привычный для него уклад жизни. Образ современной Москвы теряет семантику родства, соборности, вбирая в своё смысловое поле такие черты, как разобщённость и одиночество.

В стихотворениях XXI в. о Москве воплощены все традиционные мифологемы. Так, у Ю. Левчука («Москва») столица представлена в образе матери: «Со всей страны летят в столицу – / Москва, как мать, к себе влечёт». У М. Гуськова («Три вокзала», «Есть Москва –

Великий Рим...» и «Ты не Третий Рим, Москва!») присутствует мифологема «Москва – третий Рим».

В стихотворении М. Медведевой-Якубицкой «Москва!» воплощаются мифологемы «Москва – обитель православия» и город, возрождённый из пожара:

*Москва! Великий златоглавый город!
Богатства яств прошла и лютый голод...
Тебя бросали, жгли свои, чужие,
Но не сомкнула Ты глаза свои большие;
В себе хранишь Ты православные святыни
И птицей феникс возрождаешься поныне!*

Л. Малкова в стихотворении «Взгляд на мегаполис Москва» развивает новый миф Д. Рубиной о «городе-монстре», называя бетонно-блочную Москву «монстром-неудачником».

В литературных текстах идёт сравнение облика города середины XX в. (периода детства авторов) с Москвой конца XX – начала XXI в. (нынешним временем) и звучит ностальгия по уходящей уютной столице. Уход старой Москвы – один из главных мотивов современного московского текста: «Москва исчезала на моих глазах...» (Л. Улицкая) [4: 7], «Мне действительно очень жаль, что больше не существует тот город моего детства» (И. Цыбин) [4: 75]. Писатели констатируют, что наступило «другое время и другая эпоха» (Ю. Арабов) [4: 169].

Искажение облика привычной людям столицы не встречает поддержки. Так возникает мотив искусственности создаваемой ныне городской среды. А. Варламов говорит, что на его родной улице, как и по всей столице, появились магазины, банки, реклама. Но всё это «казалось здесь наносным, чужеродным, нелепым» [4: 208].

Таким образом, в современном московском тексте прослеживается мотив лицемерия. В Москве стало «всё напоказ, на продажу» (Н. Филатова). М. Кучерская замечает, что теперь произошло перерождение Арбата «из живой улицы в глянцевою» [4: 102].

Ещё один мотив – волшебство, тайна, которыми столица очаровывает людей, кто постоянно живёт в ней. Когда, например, В. Долина говорит, что её любимая улица Сретенка «держит и по сей день», то считает: «Какая-то тайна в этом есть, всего не расскажешь» [4: 160].

Авторы бытовых текстов склонны возвышать историю и культуру Москвы и уважительно относиться к этому городу. Многие называют столицу «живым существом», «большим организмом» со своим характером. Люди отмечают, что Москва «никогда не спит», «город живёт 24 часа в сутки», у него «свой пульс», можно почувствовать «его ритм, его сердцебиение» и его душу. Москва предстаёт и в мужском, и в женском обликах. Но чаще видится не девушкой и не старушкой, а «роскошной женщиной со стержневым характером». Она «холодная и непрístupная», «сурова и в то же время поучительна».

В современных бытовых текстах возникает мифологема «Москва – место для заработков». Столица названа «огромным цехом», «площадкой для работы», «городом-заводом» и т.д. Прослеживается и мотив противостояния бедных регионов и богатой столицы. Москва в бытовых текстах предстаёт городом-сказкой, городом-мечтой, многие хотели бы жить в столице, но не у всех есть такая возможность. Поэтому Москву многие считают «городом притяжения», местом силы, «которое меняет людей, даря им новые открытия и возможности».

«Москва – город возможностей» – ещё одна мифологема московского бытового текста. Столицу называют «реализатором желаний», «городом, воплощающим мегавозможности потребления, профессиональной реализации и самого разнообразного отдыха», городом «гигантских», «стоцентных» и «супер-» и даже «сверхвозможностей». Но при этом отмечено, что Москва – «большая лотерея», «место, где можно в один момент и найти, и потерять своё самое большое счастье».

Поэтому другой мотив бытовых текстов: Москва – «город контрастов», «квинтэссенция всего хорошего и плохого, что есть в России». «Москва – это воронка. Сюда затягивает все бриллианты и все нечистоты одновременно».

Главными мотивами бытовых текстов являются энергетика столицы и размеры Москвы. Столицу называют «собирателем людской энергии», «сгустком пульсирующей энергии», «самым энергонакаченным городом». Кому-то трудно жить в условиях постоянного шума и суеты, но в большинстве бытовых текстов отмечено, что Москва «напитывает энергией» и привлекает людей. Почти во всех бытовых текстах упоминаются огромные размеры Москвы, авторы говорят, что столица стала «переуплотнённым везде и всюду городом», «переполненным», «суетливым», а потому неудобным для жизни.

В ироничных суждениях наблюдается возвеличивание столицы: «Москва – это цивилизация», «абсолютно другой мир», «столица другой планеты», «отдельное государство», «страна в стране».

Таким образом, московский текст, развивающийся на протяжении более двух столетий, является важнейшей частью национальной российской культуры и влияет на формирование русской языковой картины мира.

Новейший московский текст образует особый поликодовый свертхтекст, существующий в рамках всего московского свертхтекста. В нём по-прежнему актуальны мифы о Москве как главном и красивом городе России (городе-государстве), который должен жить вечно (Москва – третий Рим) и который предстаёт в женском облике (Москва – город-женщина). Кроме того, появляются новые мифы о Москве как городе – живом организме и городе-магните.

Новейший столичный свертхтекст построен на оппозиции старой и новой Москвы, и единым концептом его является ностальгия по уходящей столице. Наряду с ним присутствует мотив другой, отличающейся от привычной людям старшего поколения Москвы. Она воспринимается ими как чужая, холодная, высокомерная и пафосная. Тем не менее люди любят столицу и очарованы её красотой и величием. Этот город остаётся для них местом притяжения.

Литература

1. *Деткова Н.Ю.* Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 18 (156). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 12. – С. 63-69.
2. *Меднис Н.Е.* Свертхтексты в русской литературе. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2003. – 170 с.
3. *Немзер А.С.* Замечательное десятилетие русской литературы. – М.: Захаров, 2003. – 241 с.
4. *Улицкая Л.Е., Глуховский Д.А., Быков Д.Л. и др.* Москва: место встречи. – М.: АСТ, 2016. – 512 с.